

Александр Уланов ПАРАПЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ ИОСИФА БРОДСКОГО

1997 N24

В разговорах о поэзии Бродского почти с первого взгляда поражает обилие противоположных мнений, каждое из которых находит обоснование в словах самого Бродского. Например, спорят об отношении Бродского к христианству. Очень показателен в этом отношении сборник "Размером подлинника", изданный в 1990 году в Таппинне. В начале там помещено эссе Бродского "Путешествие в Стамбул": "Политеизм... - это система духовного существования, в которой любая форма человеческой деятельности, от рыбной ловли до созерцания звездного неба, освящена специфическими божествами... Политеизм синонимичен демократии. Абсолютная власть, автократия, синонимична, уввы, единобожию." При этом более чем очевидно, чью сторону, автократии или демократии, принимает Бродский.

Но далее идет интервью: "Каждый год, на Рождество, я стараюсь написать по стихотворению. Это единственный День рождения, к которому я отношусь более-менее всерьез... Я стараюсь каждое Рождество написать по стихотворению, чтобы таким образом поздравить Человека, который принял смерть за нас."

А далее следует интервью с А.Найманом, где Найман говорит, что строки Бродского "Назорею б та страсть, // воистину бы воскрес" его оскорбляют. Действительно, они неприемлемы для христианина не менее, чем по трем причинам. Во-первых, они отрицают Воскресение. Во-вторых, страсть любимой оказывается сильнее чувств Христа, любимая ставится выше Бога. А самое,

может быть, неприемлемое - то, что это говорится между всем прочим, и Бог таким образом рассматривается всего лишь как источник для еще одного сравнения...

Но за этим идет статья И.Ефимова с подзаголовком "Христианская культура в поэзии Бродского", где тот, разумеется, примерами из текстов, доказывает, что Бродский "пламенный антиязычник".

Спорить о выборе Бродского можно до бесконечности, если не обращать внимание на слова самого Бродского, указывающие на возможность обойтись без выбора: "Кавафис раскачивался между язычеством и христианством, а не выбирал из них" (из эссе Бродского "На стороне Кавафиса"). Только полюсов, между которыми раскачивается Бродский, больше. Кроме язычества и христианства это отказ доверять чему-либо кроме непосредственно данного и проверяемого, позитивизм: "Больше не во что верить, опричь того, что // покуда есть правый берег у Темзы, есть // левый берег у Темзы." Возможно, иудаизм: "Я придерживаюсь представления о Боге как о носителе абсолютно случайной, ничем не обусловленной воли... Мне ближе ветхозаветный Бог, который карает... непредсказуемо" (Интервью с Бродским Свена Биркертса). (И не напоминает ли шеол

некое печальное и вечное пространство, откуда говорит душа в "Большой элегии Джону Донну"? Несомненно - язык: "Если Бог для

меня и существует, то это именно язык... Для поэта царство небесное, доктрины и т.д. - только трамплины, отправные точки, начальный этап его метафизических странствий" (Интервью Биркертса). Некоторые ранние стихи можно соотносить с идеей Ницше о вечном возвращении. И так далее.

Причем в пределах отдельно взятого текста эти колебания отсутствуют, в каждом конкретном случае Бродский идет до конца. Поэзия позволяет прожить тот или иной вариант выбора. Об этой последовательности Бродского пишет А.Расторгуев: "Прямая линия эвклидова падения в пустоту - или большая буква, Ты... Эти две возможности у Бродского обе и названы, и доведены до последовательной ясности образа. Ни одна из них не больше другой... каждая из двух заполняет человека целиком" (А.Расторгуев, "Интуиция абсолюта в поэзии Бродского"). Это - параллельно существующие миры (только их не два, а больше). В одном из них вопроса о

жив?", а снимающие его.

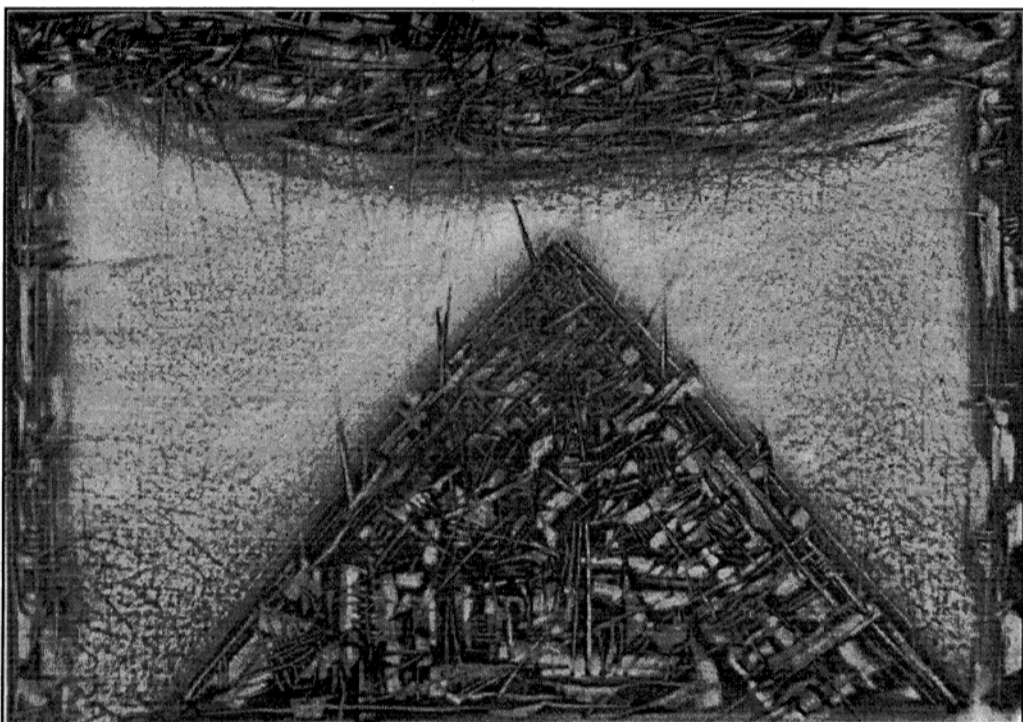
Очень редкие у Бродского, такие пересечения появляются чаще в его последних (1993 - 1995 годов) стихах. Может быть, именно у смертных "бессмертные учатся радости, способности улыбаться" ("Вертумн"). А пустоте бывает "страшно за самое себя". И она, может быть, жаждет быть заполненной: "Общего, может, небытия броня // ценит попытки ее превращения в сито // и за отверстие поблагодарит меня". Это уже перемена направления взгляда, понимание, что не только мы как-то относимся к пустоте, но и пустоте есть дело до нас.

Бродский только отражает общее состояние культуры постмодернизма. Стремление не выбирать и ни от чего не отказываться - пусть в ущерб цельности. Стремление соединить несоединимое.

Поэтому в случае Бродского стремление к однозначным определениям часто непродуктивно.

Можно, ссылаясь на стих "я заражен нормальным классицизмом" или на слова из интервью Свена Биркертса "по мне лучше штамп, но классический штамп, чем изощренная расхлябанность", доказывать классичность Бродского - но она имеет место только в некоторых из параллельных миров, а в других у Бродского может царить "изощренная расхлябанность". Более интересно было бы проследить устройство каждого из этих миров по отдельности и связи между ними. Или попытаться выяснить, что отсутствует в каждом из этих миров. Пример Бродского показывает, что постмодернизм вовсе не обязан быть всеприемлющим. Он не перебирает вообще все мыслимые возможности культуры. Отношение Бродского к исламу однозначно отрицательное. А рождественские стихи всегда датированы концом декабря - то есть это не православное Рождество. И в рамках христианского мира Бродский стремится выбрать конфессию: "На сегодняшний день я назвал бы себя кальвинистом." (Беседа с Д.Радышевским) Совершенно отсутствуют у Бродского богословские интонации. Бродский учитывает исторический опыт. "Обычно тот, кто плюет на Бога, плюет вначале на человека". Пусть тот же исторический опыт говорит, что "от всякой великой веры остаются, как правило, только мощи." Остается все же один критерий - человек. Что-то может дать импульс для дальнейшего движения личности, а что-то, вероятнее всего, отбрасывает ее в тьму неразличимости.

Бродский демонстрирует способ, которым в постмодернистской ситуации можно избежать паралича воли и действия, попадания к тем, кто не холоден и не горяч, а всего лишь тепл. Пусть возможных миров много, и невозможно выбрать (и опасно выбирать, так как это угрожает тоталитарностью) один из них. Но можно не оставаться под этим предлогом на месте, а входить, насколько хватает сил, в каждый из этих миров, принимая его удары и радуясь его радостям. Более того, возможно, что жизнь во многих мирах придает устойчивость жизни в каждом из них, можно попытаться выдержать катастрофу в одном мире, опираясь на другие. "Если будет неурожай на Земле, мы соберем пшеницу на Венере", - говорил Рэй Брэдбери. Но для этого нужно не бояться оказаться на Венере и положить труд на то, чтобы вспахать там поле. Что Бродский и делает.

Вяч.Смирнов. Разговор с Осирисом, 1993. Гуашь, бумага, пастель (60x80)

существовании Бога просто нет, как можно сомневаться в существовании того, к кому обращаешься со словами "Прости меня" в костеле в Литве или "Благодарен за все" в Римских элегиях. В других жизнь течет иначе. И есть еще один мир, откуда Бродский стремится охватить все остальные рефлектирующим взглядом: "Ни язычество, ни христианство не могут удовлетворить полностью духовные потребности человека, всегда есть что-то в остатке" (из эссе Бродского "На стороне Кавафиса").

Причем параллельность жизней возникла с самого начала. Уже в 1961 году Бродский пишет стихотворение на Рождество - и почти в то же время говорит с позиции, близкой к "Я не атеист, я скорее агностик" Бертрана Рассела: "Куда мы спешим - это ад или райское место, или попросту мрак, темнота, это все неизвестно". И тогда же - появление позиции наблюдающего со стороны: именно атеист и может наблюдать за тем, как "в деревне Бог живет не по углам", прочие слишком вовлечены в эту жизнь с Богом.

Тем интереснее случаи, когда у Бродского появляются точки, могущие принадлежать разным мирам. В "Прощальной оде" 22 строфы крика, взывания к Богу заканчиваются уходящим высь птичьим пением. Что это - пустые небеса, к которым бесполезно взывать? Или Божий мир, в который вливается человек, и в котором есть и птицы, и поющие в раю души?

Или завершение "Натюрморта", слова Христа: "Мертвый или живой, // разницы, жено, нет. / Сын или Бог, я твой," не отвечающие на вопрос: "Ты мой сын или Бог? // То есть мертв или